

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2019. — Вып. 1–2 /

глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2019. — 584 с.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 1–2 за 2019 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории культуры, языкознания, этнолингвистики и литературоведения. Отдельный тематический блок номера посвящен военно-политической истории Польши и Украины в 1660–1670-х гг. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Slavic Almanac 2019. Issues 1–2 /

ed. K. V. Nikiforov. — Moscow: Indrik, 2019. — 584 p.

This issue of “Slavic Almanac” (1–2, 2019) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on topical problematics from the history of Slavic people, history of culture, linguistics, ethnolinguistics and literary studies. The special topic of the issue is military and political history of Poland and Ukraine in the 1660s and 1670s. The chronological span of the publications is between the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

© Институт славяноведения РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Издательство «Индрик», 2019

**«В настоящее время вообще дружить с кем бы то ни было
рискованно».**

**Военспецы Киевской объединенной школы
командиров РККА имени С. С. Каменева
под надзором органов госбезопасности
в 1924–1926 гг.***

Статья посвящена анализу материалов агентурного наблюдения за бывшими офицерами, служившими в середине 1920-х гг. в Киевской объединенной школе командиров РККА имени С. С. Каменева. Эти документы хранятся в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины и до сих пор не подвергались глубокому изучению специалистами. Между тем материалы агентурного наблюдения представляют собой достаточно объективный исторический источник о настроениях бывших офицеров. Анализ данных наблюдения позволил сделать выводы о настроениях военспецов школы имени Каменева и их отношении к Советской власти. Изучение материалов агентурного наблюдения в перспективе позволит составить разностороннее представление о настроениях и повседневности командного состава Красной армии. В центре внимания наблюдателей находился бывший генерал-майор Владимир Александрович фон Ольдерогге, а также его окружение. Агентурное наблюдение показало, что преподаватели антисоветской подпольной работы не вели, приказы не саботировали, но были нелояльны Советской власти, а по высказываниям прямо ей враждебны. Враждебности к белым военспецы не испытывали. Наоборот, поддерживали связи с белой эмиграцией и сравнивали, чье положение лучше. Не имея возможности выступить открыто против происходящего в стране, военспецы вынужденно ограничивались пассивным сопротивлением.

Ключевые слова: *Красная армия, ОГПУ, военспец, Украинская ССР.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.08

* Выражаю благодарность к. и. н. М. А. Ковальчуку за помощь в подготовке статьи.

Тема взаимодействия командного состава вооруженных сил и органов госбезопасности всегда привлекает особый интерес. К сожалению, в силу закрытости значительной части источников по этой тематике полноценное ее изучение даже в отношении событий довоенной советской истории еще невозможно. Затрудненность такой работы не позволяет всесторонне изучать проблематику истории политических репрессий в армии, что порождает многочисленные домыслы и спекуляции.

Тем не менее даже при ограниченной источниковой базе существует достаточно большой объем документов, доступных для изучения. Настоящим прорывом в этом отношении стало масштабное рассекречивание архивов органов госбезопасности на Украине. Благодаря этому появилась возможность помимо прочей документации изучать такой труднодоступный для исследователей вид источников, как материалы агентурного наблюдения за военнослужащими¹.

Автору этих строк удалось ознакомиться с документами такого наблюдения в отношении бывшего генерал-майора Владимира Александровича фон Ольдерогге (1873–1931) и его окружения, в основном состоявшего на службе в киевской объединенной школе командиров РККА имени С. С. Каменева². Речь идет о деле-формуляре объемом 100 листов. Эти материалы присоединены к документам по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» начала 1930-х гг., поскольку тома с документами Ольдерогге по этому делу и дело-формуляр имеют сплошную нумерацию. Отрывки из этого дела были опубликованы в историческом альманахе Ведомственного архива Службы безопасности Украины³. Однако эти документы, насколько известно, за 16 лет с момента их публикации никто не проанализировал. Тем более никто не анализировал то, что осталось за рамками публикации. Между тем они позволяют составить представление о том, как велось агентурное наблюдение за командирами РККА, какие вопросы интересовали наблюдающих и какова роль этих материалов в последовавших репрессивных акциях 1930-х гг.

1 См., например: *Тинченко Я. Ю.* Агенты и сексоты карательных органов среди бывших офицеров // Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2012. Т. 4. С. 3–24.

2 Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Д. С-4526. Т. 40.

3 Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 111–150.

Положение Советской России и СССР после Гражданской войны было крайне тяжелым. Несмотря на убедительную победу в войне, говорить о завершении борьбы большевикам не приходилось. Крайне напряженной оставалась международная обстановка. СССР находился в международной изоляции и недружественном окружении. Планы реванша вынашивали разбитые белые, оказавшиеся в эмиграции и сохранившие свою военную организацию. Страна жила в постоянном ожидании новой войны, о чем свидетельствовали военные тревоги 1923, 1924, 1926–1927 и 1930 гг.⁴ Внутренняя ситуация в стране также не отличалась стабильностью: после смерти В. И. Ленина в январе 1924 г. обострилась борьба в партийном руководстве, никуда не исчезло множество недовольных Советской властью⁵, по стране прокатилась череда крестьянских выступлений. Новая экономическая политика несколько улучшила положение интеллигенции, но экономическое положение населения в целом оставалось тяжелым.

В непростой обстановке 1920-х гг. органы госбезопасности уделяли особое внимание контролю над командным составом Красной армии, в котором оставалось более 10 000 бывших офицеров — то есть лиц, потенциально нелояльных. Оперативные мероприятия органов ГПУ–ОГПУ отличались размахом, в силу чего чекисты обладали исчерпывающей информацией о деятельности, настроениях и взаимоотношениях представителей этой группы.

Начальник контрразведывательного отдела ОГПУ А. Х. Артузов 15 апреля 1924 г. подготовил докладную записку об активизации бывших офицеров и чиновников, в которой обратил внимание на то, что в условиях НЭПа офицерство от прежней «безответственной болтовни и фразерства» перешло к обсуждению «конкретных мер для ниспровержения Советской власти»⁶. Наиболее активные элементы пришли к выводу,

4 Подробнее см.: *Великанова О. В.* Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М., 2017; *Мельтюхов М. И.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М., 2013; *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000 и др.

5 Подробнее см.: *Дьяков Ю. Л., Колодникова Л. П., Бушуева Т. С.* Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК–ОГПУ. М., 2012.

6 *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 575.

что ввиду слабости власти успех возможен в случае сочетания внешнего удара и внутреннего взрыва в результате восстания в Красной армии, подготовленного военной организацией⁷. Обращалось внимание и на возрождение корпоративного духа офицерства⁸. Традиционно консолидация офицеров развивалась под вывеской материальной взаимопомощи, ОГПУ считало необходимым ликвидировать нарождавшиеся группировки.

В среде военспецов активно внедрялась секретная агентура. В конце 1924 г. развернулось агентурно-наблюдательное дело «Военные круги», затем переименованное в дело «Генштабисты» и направленное на контроль над бывшими генштабистами, оставшимися в РККА. Многие военспецы, их родные и близкие стали секретными сотрудниками органов госбезопасности. Достаточно отметить, что на 109 фигурантов дела приходилось 30 секретных сотрудников (сексотов)⁹. Органами госбезопасности для служебного пользования издавались книги учета бывших белых офицеров (к примеру, лишь одна такая книга, подготовленная в 1931 г. ГПУ УССР, содержала сведения о 21 тысяче офицеров и военных чиновников¹⁰).

В целях повышения квалификации командного состава в Киеве была открыта объединенная школа командиров РККА имени С. С. Каменева. В это военно-учебное заведение направлялись на переподготовку командиры со всей страны. Преподавателями школы в разное время являлись, в основном, бывшие кадровые офицеры, в том числе с академическим образованием (например, А. И. Батрук, И. Г. Баконец, Н. Н. Берман, А. И. Вольский, Е. С. Гамченко, В. И. Кедрин, С. Н. Кравцов, М. В. Лебедев, В. А. Ольдерогге, Д. Н. Сокира-Яхонтов). Некоторые преподаватели школы оказались в РККА после службы в белых и национальных армиях, причем среди них были и те, кто служил противникам большевиков по идейным соображениям и активно участвовал в борьбе с красными (например, полковник князь И. Н. Сумбатов, участвовавший в работе белого подполья в Киеве, служивший у Деникина и в грузинской армии). К этому следует добавить, что в июне 1923 г. XII съезд РКП(б) взял курс на «коренизацию», представлявшую собой на территории Украинской ССР украинизацию. Политика принудительной украинизации усложняла обстанов-

7 Там же. С. 575–576.

8 Там же. С. 577.

9 Там же. С. 383.

10 Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011. Т. 1.

ку и порождала конфликты¹¹. Разумеется, за большим скоплением бывших офицеров требовалось осуществлять тщательный надзор, и такая работа велась. Агентов было достаточно много, в донесениях они фигурировали под псевдонимами, но из приведенных данных можно установить, о ком шла речь.

Один из основных объектов наблюдения, В. А. Ольдерогге, родился в 1873 г., был выпускником Николаевской академии Генерального штаба, в старой армии дослужился до чина генерал-майора. В Гражданскую войну служил в Красной армии, с августа 1919 г. по январь 1920 г. командовал советским Восточным фронтом и был награжден орденом Красного знамени за разгром Колчака. После Гражданской войны Ольдерогге служил инспектором пехоты войск Украины и Крыма, затем его направили в постоянную командировку в Киев от Главного управления военно-учебных заведений, где он значился инспектором¹². Параллельно с его переназначениями пересылались в соответствующие органы госбезопасности и его анкеты.

С 6 февраля 1924 г. Ольдерогге занимал должность начальника школы, а с 3 мая 1924 г. должность помощника начальника школы по учебной части. Казалось бы, лояльность Ольдерогге не подлежала сомнению, однако наблюдение за ним велось в рамках агентурного дела «Объединение» по подозрению в причастности к некоему «Союзу кадровых офицеров» в Киеве¹³. Кроме того, Ольдерогге, по данным на март 1925 г., проходил в ОГПУ по разработке «Белые»¹⁴. Ольдерогге фигурировал и в разработке «Мечтатели», поскольку помог недовольному своей жизнью в СССР ветеринарному врачу В. Д. Дроботову получить загранпаспорт для выезда в Новую Зеландию¹⁵.

Дело-формуляр открывается анкетой Ольдерогге с указанием установочных данных: примет (рост ниже среднего, худощавого телосложения, стрижен под машинку, борода клинком), домашнего адреса, социального происхождения, образования, семейного положения¹⁶. Есть в деле и собственноручная анкета Ольдерогге.

11 Смирнов А. От червонных старшин к красным лейтенантам. Украинизация Красной армии в 1923–1938 годах // Родина. 2015. № 1. С. 81–83.

12 ГАСБУ. Д. С-4526. Т. 40. Л. 6.

13 Там же. Л. 22об., 73.

14 Там же. Л. 26.

15 Там же. Л. 71.

16 Там же. Л. 1.

Агентурные донесения подробно отражали личные качества Ольдерогге и его окружения, а также характер взаимоотношений бывших офицеров. Агент-сослуживец характеризовал его как в высшей степени выдержанного и тактичного человека, ценного и хорошего работника, приводил примеры из различных эпизодов по службе¹⁷.

На провокации военспец старался не поддаваться. Агент описал следующий случай: «Когда у нас организовали новый арт[иллерийский] отдел, привезли пушки, говорил я с ним об артиллерии: спрашивал, как-де побьют нас. Ольдерогге ответил, что, конечно, наша техника невысока по сравнению с европейскими армиями, но мы не уступим другим; чем, он не сказал»¹⁸. Ольдерогге оценивался агентом как пунктуальный, точный, деятельный работник, пользующийся большим авторитетом среди преподавателей, имеющий положительные характеристики. По мнению другого осведомителя, бывший генерал смотрел на массу свысока, хотя был специалистом, но работал не от души, а для отбытия номера¹⁹.

Наблюдение показало, что бывший генерал жил широко, принимал дома сослуживцев, устраивал карточную игру²⁰. По данным на март 1925 г. считалось, что он жил шире получаемого оклада, но источник побочных доходов установлен не был²¹. Один из осведомителей, побывавших у Ольдерогге в гостях, отметил, что тот жил в трех шикарно обставленных комнатах²². Вероятным источником благосостояния являлась коммерция, получившая распространение в период НЭПа. Надо сказать, что еще до революции Ольдерогге имел склонность к коммерческим делам и злоупотреблениям, за что пострадал по службе²³. Теперь же он создал в Киеве военно-скаковое общество, куда вошли многие бывшие офицеры. Дочери генерала на киевском ипподроме открыли тотализатор. Через начальника штаба Киевского военного округа (позднее — района) бывшего подполковника И. Х. Пауку, близкого видному советскому военно-политическому деятелю М. В. Фрунзе, Ольдерогге договорился с представителями

17 Там же. Л. 9.

18 Там же.

19 Там же. Л. 12.

20 Там же. Л. 18.

21 Там же. Л. 22.

22 Там же. Л. 24.

23 Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 42–43, 578–579.

кавалерийских корпусов о выезде лошадей, за что получал крупные суммы денег²⁴. В 1923 г. Пауку перевели на службу в Сибирь, что, видимо, ослабило позиции Ольдерогге. Известная нам его агентурная разработка как раз относится к периоду с 1924 г. После этого Ольдерогге помимо работы на ипподроме зарабатывал на домашних концертах, поскольку супруга бывшего генерала являлась оперной певицей. На этих вечерах бывала самая разнообразная публика, не исключая иностранцев.

Чекистами изучались контакты военспеца, с кем он близок, кто бывает у него в гостях, агентура подслушивала разговоры наблюдаемого, перехватывала корреспонденцию. Как отмечал один из агентов, «среди наших преподавателей чувствуется много всякой сволочи, но дело свое они, очевидно, знают и делают хорошо»²⁵. Наиболее близким по службе к Ольдерогге считался бывший капитан Л. С. Карум — прототип Тальберга из романа М. А. Булгакова «Белая гвардия» и муж старшей сестры писателя Варвары. Карум занимал должность помощника начальника учебной части школы имени Каменева. Агент характеризовал его как ненадежного, подбирающего соответствующий командный состав и не могущего сдерживать язвительной улыбки при разговорах о политработниках и с политработниками.

Постоянно общался с Ольдерогге его зять, бывший корнет и преподаватель школы А. А. Мармылев, заведовавший психотехническим кабинетом и характеризовавшийся отрицательно (халатно относился к службе, посещал азартные игры, лото, скачки)²⁶.

Еще одним близким Ольдерогге человеком являлся начальник кавалерийского отделения школы Ф. Т. Субботовский (как оказалось, осведомитель госбезопасности под псевдонимом «Сокол»²⁷).

Общался Ольдерогге и с бывшим капитаном А. И. Батруком, ветераном гетманской и деникинской армий. Преподаватель тактики кавалерийского отдела бывший полковник В. В. Ржевский также дружил с Ольдерогге, причем имел родственников в Польше. Видимо, в 1926 г. в круг общения Ольдерогге вошел помощник начальника учебного отдела эскадрона школы бывший полковник Барсов, с которым бывший

24 Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 169.

25 ГАСБУ. Д. С-4526. Т. 40. Л. 9.

26 Там же. Л. 13.

27 ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3151а. Л. 163об.

генерал закрывался в комнате и подолгу беседовал; когда входили близкие, бывшие офицеры переходили на французский язык²⁸.

Агентура докладывала о связях преподавателей с представителями противоположного пола, не исключая случаи адюльтера. Не гнушались и непосредственным вступлением в личные отношения ради пользы осведомления. Такую акцию предпринял командир взвода школы Каменева Середа (агент «Красный») в отношении дочери Ольдерогге Лидии (Ляли) 1909 года рождения. В одной из сводок описывался разговор Середы с этой еще совсем юной девушкой на прогулке в Царском саду 11 августа 1925 г. Тогда дочь бывшего генерала поведала спутнику о своем крайнем недовольстве обстановкой в СССР, что агент незамедлительно доложил руководству: «Она говорила, что если бы это было старое время, то теперь бы она уже окончила институт благородных девиц и вообще жила бы в несомненно лучших условиях, нежели сейчас, так ей приходится бедствовать в отношении нарядов и пр[очего]. Далее она сообщила, что папа ее успокаивает тем, что СССР это тоже временно[е] правительство, но более продолжительное, что крах жидовской власти, несомненно, будет, и потому положение “всех бывших людей” (нужно понимать офицерских семей) улучшится»²⁹. Советская действительность неизбежно сравнивалась «бывшими» с их прежней жизнью, и сопоставления были не в пользу послереволюционного положения.

Дочь Ольдерогге поведала о том, что и ее отец недоволен советской жизнью, в которой приходилось подчиняться новому начальнику школы «проходимцу-латышу [Я. Я.] Лацису»³⁰, и что не раз бывший генерал ставил в упрек себе и окружающим, почему и зачем он остался в СССР, когда «все его товарищи занимают хорошие должности в Болгарии и живут там, как жили и до военного времени»³¹. Такая оценка крайне любопытна, поскольку демонстрирует полное отсутствие какой-либо неприязни военспеца к прежним товарищам, оказавшимся в рядах белых, а затем в эмиграции.

Неудивительно, что воспоминания о «добром старом времени» стали лейтмотивом рассуждений дочери Ольдерогге. Например, при прогулке с агентом по Аскольдовой могиле 7 сентября 1925 г. она заявила, что в прежние времена здесь хоронили порядочных людей высших кругов, а теперь хоронят коммунистов, с чем она не может примириться,

28 ГАСБУ. Д. С-4526. Т. 40. Л. 82.

29 Там же. Л. 44.

30 Там же.

31 Там же.

так как это «кошунство»³². После этого разговор зашел на религиозную тему, причем выяснилось, что она с отцом часто ходит во Владимирский собор. Предложение сходить туда получил и агент.

В дальнейших доверительных беседах Л. В. Ольдерогге не раз высказывалась агенту в антисоветском духе. Например, по поводу смерти М. В. Фрунзе она заявила, что «такие события, как смерть какого-то вождя, кроме приятного, ничего не приносят ее отцу»³³. В деле сохранились копии перлюстрированных особистами писем Ляле от другого ее поклонника, некоего А. Яковлева из Проскурова, ранее обучавшегося в школе Каменева³⁴. При личном общении агент попытался вытащить одно из писем из кармана Ляли³⁵. Остается только догадываться, не использовались ли возможности органов госбезопасности агентом для устройства своих личных дел. В разговоре с Середой Ляля заявила, что выйти замуж за коммуниста, писавшего ей письма из Проскурова, она не может, так как это означало бы полный разрыв с ее родными³⁶.

К концу 1925 г. роман дочери Ольдерогге с агентом Середой прогрессировал. В январе 1926 г. агент смог побывать уже на квартире бывшего генерала. Середа избрал беспроегрышную тактику — упирал на ностальгические воспоминания о старой России, чем произвел впечатление на супругу Ольдерогге. Последняя даже прослезилась, «вспоминая ту роскошь и прелесть, в какой они были тогда и как живут теперь», и заявила, что «ей очень жаль теперь ту молодежь, которая когда-то имела светлое будущее, а теперь прозябает, служа каким-то жидам, лишившись того светлого, что их ожидало, вспомнив условия офицерства»³⁷.

Политические взгляды самого Ольдерогге первоначально известны наблюдению не были, отмечалось лишь, что он проявлял «мещанские уклоны»³⁸. Понятно, что со временем о нем сложилось вполне определенное представление как о человеке с дореволюционной офицерской психологией, лишь внешне сочувствующем Советской власти, а в действительности с нетерпением ожидающем ее падения.

Выяснились и другие интересные подробности. Наблюдение установило, что Ольдерогге и его окружение поддерживали регулярные

32 Там же. Л. 49.

33 Там же. Л. 61.

34 Там же. Л. 55, 56, 68.

35 Там же. Л. 60.

36 Там же. Л. 65.

37 Там же. Л. 77.

38 Там же. Л. 22.

контакты с белой эмиграцией. Так, одному из знакомых Ольдерогге рассказал о своем брате Алексее, который жил в Париже и с которым бывший генерал вел переписку³⁹. Кроме того, во время боевых стрельб эскадрона на Дарницком полигоне 24 июля 1925 г. Ольдерогге рассказал сослуживцам Н. И. Минину, Середе и Ф. Т. Субботовскому, что переписывается с товарищем из Константинополя, который командовал там полком (очевидно, у белых). После этого все участники беседы начали сожалеть, что упустили момент уехать за границу. В особенности сильно сожалел об этом Субботовский⁴⁰. Бывший сослуживец Ольдерогге А. О. Эйгер, живший в Париже, прислал осенью 1925 г. наблюдаемому посылку и деньги на выкуп из таможни. Сам же Ольдерогге, со слов дочери, опасался получать корреспонденцию из-за границы на свой домашний адрес, справедливо полагая, что, несмотря на орден Красного знамени, ему не доверяют⁴¹. Супруга Ольдерогге Клеопатра Александровна писала в Париж некой Ольге Шкиль⁴². Наконец, дочь Ольдерогге в феврале 1926 г. конфиденциально призналась своему ухажеру агенту Середе, что отец через Москву получил из-за границы посылку, причем запретил дочери кому-либо об этом рассказывать⁴³.

Контакты с контрреволюционерами имел помощник командира эскадрона школы П. А. Кирсанов, сообщивший Середе в Пролетарском саду, что он учился в кадетском корпусе и дружен с бывшими офицерами братьями Чемодановыми, которые организовали восстание в Сумах. Кирсанов жил вместе с преподавателем В. А. Подчекаевым, был связан также с преподавателями Н. П. Блаудзевичем и Субботовским⁴⁴. Середа попытался внедриться в эту группу, причем заслужил от Кирсанова характеристику честного человека, чуждого СССР⁴⁵.

Сохранились нуждающиеся в проверке данные об антисоветском подполье в киевских военных кругах. Бывший полковник В. П. Белавин якобы состоял в организации кадровых офицеров. В июне 1924 г. он был арестован, а в 1925 г. расстрелян. На допросе 11 июня 1924 г. он показал, что получил вместе с Ольдерогге костюм от организации в Варшаве при помощи сотрудника польского консульства в Киеве

39 Там же. Л. 24.

40 Там же. Л. 42.

41 Там же. Л. 62.

42 Там же. Л. 69.

43 Там же. Л. 79.

44 Там же. Л. 42.

45 Там же. Л. 52.

С. Павловского⁴⁶. Позднее отмечалось, что костюм Ольдерогге пересылался от организации в Харькове⁴⁷. Возможно, речь шла о провокации чекистов или польской разведки. После расстрела Белавина и проходившего с ним по делу А. П. Иванова Ольдерогге в беседе с начальником административного отдела школы А. С. Глинским сожалел о случившемся, хвалил Белавина как достойного, умного человека, преданного интересам освобождения России от гнета. Иванова же Ольдерогге считал шкурником⁴⁸. Как оказалось, Белавин дружил с Ольдерогге.

Агент монархической организации некто К. С. Голубев-Сиверский приехал в Киев из-за границы с заданием разведывательного характера и указанием выйти на Ольдерогге и преподавателя Б. О. Комаровского⁴⁹. Осенью 1925 г. Голубев дал показания, что завербован в Ровно офицером И. Н. Орловым с целью вербовки Ольдерогге как «идеологически ихнего»⁵⁰. Отметим, что Ровно в тот период находилось в составе Польши. Вербовка Ольдерогге, однако, не состоялась, поскольку в период пребывания Голубева в Киеве Ольдерогге уехал в отпуск. Из ГПУ УССР сообщали в Особый отдел 14-го стрелкового корпуса в Киев 17 октября 1925 г.: «Есть основание предполагать, что Ольдерогге, хорошо известный Орлову, является одним из работников к[онтр]р[еволюционной] организации, просим срочно сообщить, имеются ли у вас компрометирующие данные на Ольдерогге. В противном случае необходимо через вашу агентуру повести разработку вокруг последнего для выяснения сущности его политической физиономии»⁵¹.

Интересны разговоры преподавателей, демонстрировавшие их отношение к широкому спектру вопросов советской жизни. Так, 12 июня 1925 г. на обеде у Субботовского хозяин заявил Середе, что скоро ожидается война, и положение Красной армии окажется печальным. Субботовский также заявил, что служба в старой армии была хороша и красива, воспоминания о ней — одни из самых приятных, а служба в РККА таких воспоминаний оставить не может⁵². Впрочем, в свете негласного сотрудничества Субботовского с ГПУ такие речи можно рассматривать как намеренную провокацию.

46 Там же. Л. 33.

47 Там же. Л. 45.

48 Там же. Л. 40.

49 Там же. Л. 32.

50 Там же. Л. 57.

51 Там же.

52 Там же. Л. 35.

Помощник начальника учебной части по эскадрону школы Каменева бывший полковник Н. Н. Берман заявил 20 июня 1925 г., что недоволен дисциплиной в Красной армии, а когда начнется война с Антантой, Красная армия перестанет существовать⁵³. Берман находился в дружеских отношениях с Ольдерогге. Дружил он также с преподавателями В. А. Ильиным, Л. С. Карумом, В. В. Ржевским, Г. М. Сокальским, Субботовским и другими.

Ржевский, Кирсанов, Берман в частном разговоре отрицательно отнеслись к приезду в школу китайских командиров как к засорению русской армии «грязным хламом»⁵⁴. Бывшие офицеры и в советских условиях сохранили традиционный националистический менталитет.

Ольдерогге, со слов дочери, был обижен понижением по службе и недоволен кадровыми переменами в руководстве школы, так как «все равно теперь такие порядки, и назначают людей не по заслугам и знаниям, а скорее по протекции»⁵⁵.

Любопытны наблюдения агента за разговорами военспецов при встрече Нового 1926 года по старому стилю на квартире Мармулева, где собрались Ольдерогге с дочерью, Середа, Карум, Берман и В. И. Кедрин. Был накрыт роскошный стол. Ольдерогге и Карум, изрядно выпив, стали обсуждать международное положение. Из их разговора агент сделал вывод, что собеседники «очень хорошо знают экономику страны, разногласия 14-го партсъезда и пр[очее]. Взвесив и оценив все это, Ольдерогге в заключение сказал, что 14-й партсъезд резко подчеркнул, что Сов[етская] власть недолговечна и в скором будущем должен быть крах. За границей уже усиленно говорят о том, что 1926 год есть и должен быть годом знаменательным, что в этом году участь Сов[етской] власти должна решиться и решится в окончательном смысле. Самое благоприятное для СССР может быть лишь то, что СССР очутится в таком же закабаленном положении, как и Германия. Карум, подтвердив все это, сказал, что Америка определенно решила СССР переименовать в другую страну, в которой диктатуры пролетариата не будет (вкратце, вскользь заметив, что в Америке даже строится район Ленинграда, точно копия). Авторитетные же страны определенно решают СССР аннулировать. Берман держится политики Карума и Ольдерогге, Кедрин также, поддакивая, так как были очень пьяны и самостоятельно связывать и высказывать свои мысли были

53 Там же. Л. 37.

54 Там же. Л. 54.

55 Там же. Л. 61.

не в состоянии. Ровно в 1 час ночи уже 14/1 за столом Ольдерогге поднял бокал вина и сказал: “Пьем за светлое будущее, которое должно свершиться в этом году”»⁵⁶.

Агент Середа завязывал контакты с интересовавшими его лицами, в том числе путем демонстративного выражения опасений в безопасности каких-либо контактов. Так, на выпивке у некоего Хорошилова 17 ноября 1925 г. он заявил хозяину дома, что находится в Киеве уже около трех лет, но не имеет никаких друзей, поскольку «в настоящее время вообще дружить с кем бы то ни было рискованно, так как на каждом шагу видишь врага-сексота и малейшее твое неосторожное слово по отношению к власти или к порядку нашему в армии может быть передано куда следует»⁵⁷. Эти слова являлись чистой правдой. Разумеется, в ответ Середа получил доверительный и сочувственный комментарий, что его собеседник «рад видеть в лице т. Середы близкого товарища, так как сам придерживается такого же мнения и весьма осторожен в своих словах в беседе, даже с хорошими друзьями по службе, так как знает, что почти в каждой воинской части, а тем паче в ВУЗах, как у нас в школе, по крайней мере есть человек 5–6, которые занимаются исключительно осведомительной работой и каждый неосторожный шаг, неосторожное слово уже бывает известно почти на другой же день в ГПУ»⁵⁸. Хорошилов поведал Середе, что среди сексотов есть даже бывшие офицеры, работающие за деньги. Таким образом, представление о том, что многие военспецы занимались тогда такой деятельностью, распространено не было. В этом отношении Хорошилов полагал, что следует особенно опасаться женщин, служащих в воинских частях. Когда Середа указал ему на сотрудницу хозяйственной канцелярии школы Кирснговскую как возможного осведомителя, Хорошилов удивился непроницательности агента, поведав, что Кирснговская как раз одна из противниц Советской власти и из порядочной семьи. Провокация увенчалась успехом.

На Пасху 1926 г. застолье проходило у С. Д. Матвеева, где собрались Булла, В. В. Ржевский, Середа, И. Н. Сумбатов, слушатель эскадрона Назаров. На столе была водка, привезенная знакомым хозяина из Польши. Зашел разговор о дороговизне, а затем о политике. Назаров как член ВКП(б) объяснял, что причина дороговизны в товарном голоде. Булла и Сумбатов заявили, что все это приведет к краху СССР. В разговор вмешались и остальные, а Назаров оказался в меньшинстве.

56 Там же. Л. 74.

57 Там же. Л. 64.

58 Там же.

Ржевский тогда заявил: «Зачем людям сознательным затуманивать глаза, неужели не понятно, к чему все это клонится, можем ли мы существовать дальше, если наш рубль за границей доходит чуть ли не до 25 копеек, можно ли СССР конкурировать, имея несчастное тряпочное изделие, с капиталистическими державами, неужели Германия глупее нас, что пришла к такому соглашению, что Советская власть — глупая выдумка, абсурд, точно так же должны прийти к соглашению и мы, тем паче, что идеи коммунизма у нас нет и быть не может»⁵⁹. В качестве примера Ржевский привел киевскую губернскую милицию, где члены партии грабили население, и нельзя было исключать похожих случаев. Резюмировал он тем, что большевиков постигнет участь А. Ф. Керенского, бежавшего за границу. В конце обсуждения Матвеев сказал, что он с сослуживцами — люди иных убеждений, «СССР нам платит деньги, мы работаем»⁶⁰. Агент от вовлечения в спор устранился, чтобы не испортить дело (поддерживать бывших офицеров в присутствии партийного слушателя его взвода было неудобно, а поддержка слушателя могла бы испортить доверительное общение с «бывшими»), и беседовал с хозяйской.

3 мая в гостях у Ольдерогге преподаватели обсуждали революцию. Матвеев и Барсов говорили о том, что революция влечет за собой жертвы. Сумбатов и Субботовский заявили, что офицерство при новой революции пострадает мало, а основные потери понесут евреи и коммунисты. Убежденный антисемит Сумбатов заявил, что готов лично как восточный человек перерезать сотню⁶¹. Далее разговор зашел о хранении секретных данных. Ольдерогге ехидно заявил, что «если мы знаем некоторые секретные проблемы польской армии, то, безусловно и даже больше чем несомненно, наши секретные военные преднамерения по всем отраслям военного дела известны польскому командованию, хотя органы ГПУ по своей работе чисто агентурной во многом превосходят старые сыскные отделения и жандармские⁶² управления, но все же, несмотря на то, что здесь у нас в Киеве почти на каждом шагу снуют представители дефензивы, угнаться за ними и переловить всех трудно и невозможно»⁶³. Эти слова произвели тяжелое впечатление на присутствующих. Карум, Барсов и Матвеев согласились со сказанным.

59 Там же. Л. 88.

60 Там же.

61 Там же. Л. 90.

62 В документе — жандармского.

63 ГАСБУ. Д. С-4526. Т. 40. Л. 90.

На документе имелась резолюция сотрудника ОГПУ: «Не понимаю, о каком секрете здесь шла речь. По-видимому, это были частные разговоры и суждения. Нам надо подготовить материал завербовать кого-либо из этой компании, иначе ничего не выйдет»⁶⁴.

Польский вопрос в связи с возможным приходом к власти Ю. Пилсудского обсуждали и 24 мая 1926 г. на квартире Матвеева. Ольдерогге и Кирсанов заявили, что Пилсудский станет польским президентом, что приведет к улучшению положения в Польше. Барсов подтвердил это. В ходе разговора выяснилось, что Матвеев и Барсов имеют контакты с польскими офицерами⁶⁵.

Как и белые эмигранты, поднадзорные военспецы каждый год надеялись, что произойдет свержение большевиков. 18 августа 1926 г. на квартире Матвеева вновь откровенно говорили о перспективах в случае падения Советской власти. Участники обсуждения ждали войны, которая бы привела к падению режима. В этом смысле их надежды совпадали с аналогичными ожиданиями белых эмигрантов. Военспецы считали своей задачей «оставаться пока в стороне, ожидать и делать, готовясь к предназначенному»⁶⁶. Во время конной поездки за город 3 октября 1926 г. и пикника сотрудники школы вновь обсуждали текущее положение. Барсов тогда поднял бокал за последнюю золотую осень при Советской власти⁶⁷.

Органы госбезопасности вели постоянную работу по нейтрализации неудобных командиров. В феврале 1926 г. произошел арест начальника административно-хозяйственного отдела школы А. Н. Глинки. Весной 1926 г. Ольдерогге интересовался процессом киевской губернской милиции, а дочь военспеца даже ходила на судебные заседания⁶⁸. Киевская милиция пользовалась ипподромом, работой которого заведовал бывший генерал. Возможно, интерес к делу был обусловлен именно этим. Будучи в командировке в Москве, Ольдерогге узнал еще об одном аресте, что вызвало у него тревогу за себя⁶⁹. Усилились и меры предосторожности. Бывший генерал всегда при серьезных беседах просил близких выйти в другую комнату⁷⁰.

64 Там же.

65 Там же. Л. 91.

66 Там же. Л. 92.

67 Там же. Л. 95.

68 Там же. Л. 82.

69 Там же. Л. 85.

70 Там же. Л. 86.

В том же году у ряда преподавателей школы прошли обыски (В. А. Кожин, А. А. Луганин, Н. И. Минин, Ржевский), а на следующий год некоторых уволили (Баковец, Батрук, Блавдзевич, Минин, Ржевский) по предельному возрасту, либо за службу у белых⁷¹.

В Особом отделе Украинского военного округа в июле 1925 г. считали, что учебой в школе Каменева заведовал Карум, много времени уделявший работе на стороне (читал лекции в гражданских ВУЗах, жил в 7 верстах от школы). Ольдерогге якобы в работе не чувствовался и поддавался влиянию военспецов. Требовалось оживление работы школы, для чего особисты добивались замены Ольдерогге⁷². Убрать Ольдерогге из школы имени Каменева действительно удалось, хотя и через год с лишним.

В связи с проведением военизации гражданских ВУЗов в 1926 г. преподавателей школы Каменева распределили по учебным заведениям украинской столицы. Осенью ожидался перевод школы имени Каменева на новый штат, что вызвало некоторую обеспокоенность преподавательского состава. Военспецы не знали, кого оставят на службе в школе, а кого переведут в другие места. Должность Ольдерогге упразднялась, а сам он покидал школу, поскольку в сентябре стал главным военным руководителем Киева. Кроме того, он занял пост военрука Политехнического института. Преподаватели сожалели об этом, но надеялись поддерживать с ним связь⁷³.

Проводы Ольдерогге, Карума и Бермана в конце октября 1926 г. прошли в торжественной обстановке. Присутствовало около 30 человек, «политической окраски разговор совершенно не носил, так как присутствовали некоторые преподаватели обществоведения... была устроена грандиозная выпивка... разошлись рано утром (часов около 4–5)»⁷⁴. В связи с увольнением Ольдерогге из армии оперативная разработка в его отношении со стороны Особого отдела 14-го стрелкового корпуса завершилась 11 декабря 1926 г.⁷⁵ Наблюдение продолжалось и после того, как Ольдерогге оставил школу. Скорее всего, другими подразделениями ГПУ УССР велось агентурное наблюдение и за самим Ольдерогге.

7 декабря 1930 г. В. А. Ольдерогге был арестован по делу «Весна», а 27 мая 1931 г. расстрелян. Обвиняли его в том, что с 1924 г. он якобы

71 ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3151а. Л. 171.

72 ГАСБУ. Д. С-4526. Т. 40. Л. 41.

73 Там же. Л. 92.

74 Там же. Л. 96.

75 ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3151а. Л. 246.

являлся руководителем киевской офицерской организации. Как фабриковалось обвинение на основе собственных признательных показаний арестованного, видно из составленной в период реабилитации жертв политических репрессий обзорной справки по делу Ольдерогге.

Отмечалось, что на допросе 24 декабря 1930 г. арестованный показал, что «в 1921 году он получил назначение на службу в военно-учебные заведения города Киева и пробыл там безвыездно до дня ареста.

С назначением его в 1924 г. на должность начальника школы Каменева он стал группировать вокруг себя бывших офицеров под видом игры в карты и скакового общества. В указанное общество входили бывшие офицеры: Минин, Сокольский, Иванов, Дмитриевский и другие, представлявшие из себя крепко спаянную контрреволюционную группу, “поставившие⁷⁶ себе целью уже активной борьбой с Советской властью способствовать ее свержению”. Таким образом, к 1925 году сложилось ядро контрреволюционной организации в Киеве во главе с Ольдерогге. Как показал Ольдерогге, была необходимость установить связи с организациями бывших офицеров в других городах и эмиграцией. Попытку установить связь с белоэмиграцией Ольдерогге предпринял на концерте артистки оперы Абелит, которой он порекомендовал пригласить на концерт польского консула, однако связь с консулом ему установить не удалось ввиду сложившейся неблагоприятной обстановки. Других попыток, как показал Ольдерогге, он не предпринимал, и участники организации решили устанавливать связи внутри СССР.

Находясь в 1925 г. в Москве на съезде представителей УВУЗ ГУРККА⁷⁷, он имел беседы с Суворовым, Никитиным и другими, пытаясь выяснить наличие в Москве контрреволюционной организации, однако установить ему организации из этих разговоров не удалось. К началу 1926 года, указывает Ольдерогге, в деятельности организации почувствовался спад и растерянность участников, и сам лично Ольдерогге стал отходить от организации, будучи захвачен новой работой по линии гражданских ВУЗов. В 1927 году связь с московской организацией установил Минин через Кононович-Горбацкого и Бонч-Бруевича, однако он лично (Ольдерогге) от руководства своей организацией отошел ввиду ощущения ее “беспочвенности” и занятости по службе. В числе

⁷⁶ В документе — поставившая.

⁷⁷ Управления военно-учебных заведений Главного управления РККА. На самом деле такая структура существовала с июля 1926 г. по февраль 1931 г.

руководства московской организации Ольдерогге назвал Кононович-Горбацкого, Бонч-Бруевича, Какурина, по Ростову — Верховского, по Ленинграду — Шатунова, Сокольского, по Житомиру — Штрombaха и других. Однако откуда и при каких обстоятельствах Ольдерогге стало известно об этих лицах, он не показал.

На допросе 25 декабря 1930 г. Ольдерогге назвал в числе руководства московской офицерской организации также Верховского, Лигнау, Снесарева и показал, что впервые об этой организации он узнал в 1925 году (на первом допросе показал, что в 1927 г., противоречие это не устранено).

Как на этом допросе, так и на последующих Ольдерогге дал обширные показания о деятельности киевской, московской контрреволюционных организаций бывших офицеров и их филиалов в других городах, назвал большое число участников этих организаций.

Однако в показаниях Ольдерогге отсутствует конкретность, и в большей части он ограничивается общим рассуждением о целях, деятельности и участниках организаций, ссылаясь на сведения, полученные им якобы от третьих лиц...

В приобщенных к делу Ольдерогге оперативных материалах данных о причастности Ольдерогге к контрреволюционной организации до его ареста не имелось»⁷⁸.

По делу «Весна» проходили многие лица, в разное время служившие в школе имени Каменева, в том числе объекты наблюдения 1920-х гг. Помимо Ольдерогге это А. И. Батрук, Н. П. Блаудзевич, К. В. Гаевский, Е. С. Гамченко, Г. И. Иванов, И. В. Иванов, В. А. Ильин, Л. С. Карум, В. И. Кедрин, В. А. Кожин, С. Н. Кравцов, М. В. Лебедев, А. А. Мармылев, С. Д. Матвеев, М. С. Матиясевич, Н. И. Минин, Н. Л. Мянковский, В. А. Подчекаев, И. Н. Полозов, В. В. Ржевский, В. Ф. Ржечицкий, Ф. Т. Субботовский, К. В. Толмачев, Л. У. Чижун и другие⁷⁹. Всего — более двух десятков человек, имевших отношение к школе имени Каменева. Из них помимо Ольдерогге расстреляли Батрука, Гамченко и Г. И. Иванова.

При реабилитации Ольдерогге материалы наблюдения и другие документы были проанализированы сотрудниками Комитета государственной безопасности. Состав преступления в действиях представителей школы Каменева обнаружено не было. Реабилитировали В. А. Ольдерогге определением военного трибунала Киевского военно-

78 ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 59 (77). Л. 264–266.

79 Там же. Л. 248.

го округа 30 апреля 1974 г. К этому можно добавить, что через обучение в школе имени Каменева прошла целая плеяда будущих советских военачальников, проявивших себя в годы Великой Отечественной войны, то есть слушатели получали качественную подготовку.

В отличие от материалов дела «Весна», которые фальсифицировались следствием, документы агентурного наблюдения представляют собой в целом объективное свидетельство о настроениях бывших офицеров. Если там и существуют искажения, то лишь в связи с возможными попытками самих агентов представить ложные сведения в личных целях. Кроме того, нельзя исключать и провокационных действий. Глубокое изучение материалов агентурного наблюдения в перспективе позволит составить разностороннее представление о настроениях и повседневной жизни командного состава Красной армии. Немаловажно и установление судеб секретных сотрудников, в том числе вопрос применения к ним репрессий.

Агентурное наблюдение за группой преподавателей школы имени Каменева было достаточно плотным. По всей видимости, изученные нами документы не отражают всей полноты осуществлявшегося надзора. Проанализированные материалы наблюдения свидетельствуют о том, что преподаватели антисоветской подпольной работы не вели, приказы не саботировали, но были нелояльны Советской власти, а по высказываниям прямо ей враждебны. Это можно понять — военспецы сформировались и достигли карьерных высот еще до революции, большевистской идеологии не приняли и не разделяли. Их возмущала чуждая интернациональная риторика новой власти, попрание национальных традиций, агрессивное выкорчевывание русской истории, религии и культуры, засилье инородцев в партии власти.

Наблюдение показало, что, несмотря на Гражданскую войну, разделившую офицеров (впрочем, часто не стремившихся участвовать в братоубийственном конфликте), враждебности к белым поднадзорные военспецы не испытывали. Наоборот, поддерживали связи с белой эмиграцией и сравнивали, чье положение лучше. Не имея возможности выступить открыто против происходящего в стране, военспецы вынужденно ограничивались критическими разговорами и пассивным сопротивлением.

При внешней дряблости и инертности этой группы «бывшие» держались достаточно сплоченно, обладали боевым и организационным опытом (в том числе опытом вооруженной борьбы с большевиками), способствовали восстановлению в РККА офицерского духа, поддерживали связи с границей, в том числе с иностранными военными и, как уже отмечалось, с белоэмигрантами. Такие группировки

по всей стране таили потенциальную опасность для власти. Память об изломе Гражданской войны никуда не делась, «бывшие» «ничего не забыли». Очевидно, что никакой пощады партийным деятелям в случае обострения ситуации от офицерства ждать не приходилось. Многие военспецы в разговорах и не скрывали того, что ожидают начала внешней войны и надеются на освобождение от большевиков, причем готовы в случае войны поддержать даже противника.

Разговоры оставались разговорами, но в 1930-е гг. бывшие офицеры, продолжавшие служить в РККА, массово попали под каток репрессий. На основе изученных данных можно сделать вывод о том, что материалы оперативных разработок 1920-х гг. использовались при фабрикации дела «Весна» 1930–1931 гг., когда оказались арестованы многие из наблюдаемых. Самого Ольдерогге, несмотря на заслуги перед Советской властью и наличие ордена Красного Знамени, тогда расстреляли. Во второй половине 1930-х гг. «невычищенные» из РККА ранее попали под маховик «Большого террора». В конечном счете после нескольких волн репрессий многие потенциально нелояльные офицеры оказались уничтожены или изгнаны из армии. Однако массовые репрессии в отношении квалифицированных кадров обернулись проблемами с качеством командного состава Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны, а следовательно, дополнительными потерями населения СССР.

Источники и литература

Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ, Киев).

Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.

Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. 680 с.

Дьяков Ю. Л., Колодникова Л. П., Бушуева Т. С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК–ОГПУ. М.: Прометей, 2012. 332 с.

Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле, 2008. 800 с.

Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков: Сага, 2011. Т. 1. 484 с.

Мельтюхов М. И. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М.: АИРО-XXI, 2013. 216 с.

Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел: Орелиздат, 2000. 560 с.

Смирнов А. От червонных старшин к красным лейтенантам. Украинизация Красной армии в 1923–1938 годах // Родина. 2015. № 1. С. 81–83.

Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ (Київ). 2002. № 1 (18).

Тинченко Я. Ю. Агенты и сексоты карательных органов среди бывших офицеров // Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков: Сага, 2012. Т. 4. С. 3–24.

Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 496 с.

References

Vedomstvennyi arkhiv Sluzhby bezopasnosti Ukrainy (GASBU, Kiev).

Ganin, A. V. *Povsednevnaia zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom*. Moscow: Kuchkovo pole, 2016, 680 s.

D'iakov, Iu. L., and Kolodnikova, L. P., and Bushueva, T. S. *Protestnoe dvizhenie v SSSR (1922–1931 gg.). Monarkhicheskie, natsionalisticheskie i kontrrevoliutsionnye partii i organizatsii v SSSR: ikh deiatel'nost' i otnosheniia s vlast'iu (1920–1931 gg.). Po dokumentam VCHK — OGPU*. Moscow: Prometei, 2012, 332 s.

Kniga ucheta lits, sostoiavshikh na osobom uchete byvshikh belykh ofitserov v organakh GPU Ukrainy, t. 1. Khar'kov: Saga, 2011, 484 s.

Mel'tiukhov, M. I. *Krasnaia armiia i nesostoiavshaiasia revoliutsiia v Germanii (1923 g.)*. Moscow: AIRO — XXI, 2013, 216 s.

Minakov, S. T. *Sovetskaia voennaia elita 20-kh godov*. Orël: Orëlizdat, 2000, 560 s.

Smirnov, A. "Ot chervonnykh starshin k krasnym leitenantom. Ukrainizatsiia Krasnoi armii v 1923–1938 godakh." *Rodina*, no. 1, 2015, s. 81–83.

"Sprava 'Vsesoiuznoi viis'kovo-ofitsers'koï kontrevoliutsiïnoï organizatsiï' (sprava 'Vesna', 1930–1931 rr.) za dokumentamy Derzhavnoho arkhivu Sluzhby bezpeky Ukraïny." *Z arkhiviv VUCHK — HPU — NKVD — KHB*, no. 1 (18), Kyïv, 2002.

Tinchenko, Ia. Iu. "Agenty i seksoty karatel'nykh organov sredi byvshikh ofitserov." *Kniga ucheta lits, sostoiavshikh na osobom uchete byvshikh belykh ofitserov v organakh GPU Ukrainy*, t. 4, Khar'kov: Saga, 2012, s. 3–24.

Tinchenko, Ia. Iu. *Golgofa russkogo ofitserstva v SSSR. 1930–1931 gody*. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2000, 496 s.

Velikanova, O. V. *Razocharovannye mechateli: Sovetskoe obshchestvo 1920–kh gg*. Moscow: ROSSPĖN, 2017, 295 s.

Zdanovich, A. A. *Organy gosudarstvennoĭ bezopasnosti i Krasnaia armia: Deiatel'nost' organov VCHK — OGPU po obespecheniiu bezopasnosti RKKA (1921–1934)*. Moscow: Kuchkovo pole, 2008, 800 s.

Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

“Currently it is in general risky to be friends with anybody”: The military specialists of Kiev United school of commanders of the Red army named after S. S. Kamenev under the supervision of state security agencies in 1924–1926

The article is devoted to the analysis of the materials of agent monitoring on former officers who served in the mid-1920s in the Kiev United school of commanders of the Red army named after S. S. Kamenev. These documents are stored in the Departmental archive of the Security Service of Ukraine and have not yet been subjected to an in-depth study by specialists. Meanwhile, the materials of intelligence surveillance are a fairly objective historical source about the moods of former officers. The analysis of the observation data allowed to draw conclusions about the mood of military experts of the Kamenev school and their attitude to the Soviet power. The study of the materials of agent surveillance in the future will make a comprehensive view of the moods and everyday life of the Red army commanders. The focus of the observers was the former major general Vladimir Alexandrovich von Oldergogge, as well as his entourage. Intelligence surveillance showed that the professors did not conduct anti-Soviet underground work, but were disloyal, and in their statements directly hostile to the authorities. Hostility toward the White military experts was not experienced. On the contrary, former officers kept in touch with the white emigration and compared whose situation was better. Not being able to speak openly against the situation in the country, the military experts were forced to passive resistance.

Keywords: *Red Army, Joint State Political Directorate (OGPU), military specialists, the Ukrainian SSR.*